

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Петренко М. Н.

Научный руководитель – профессор Тарасов А. А.

Самарский государственный университет

Одной из наиболее острых проблем в доктрине уголовно-процессуального права является вопрос о принуждении, а в нём – вопрос о подходах: объективном и субъективном.

По нашему мнению субъективный подход является, по крайней мере, по той причине, что в науке давно доказана субъективность восприятия каждого лица¹: информация в сознании лица является лишь отражением объективной реальности.

Категорическая постановка «грифа принудительности» на некоторые процессуальные действия и, соответственно, признания всех прочих «непринудительными», по нашему мнению, опасна, поскольку, применяя нормы, на которых указанного «грифа» нет, мы рискуем применять реально принудительное воздействие к участнику правоотношений, который этого совершенно не заслуживает.

Не спасает ситуацию и высказанное рядом авторов мнение², согласно которому, помимо а priori принудительных мер воздействия существуют меры, обладающие большой долей принуждения как, например, следственные действия. Признание их принудительности их имеет важное значение для защиты прав человека, однако является, на наш взгляд, полумерой.

Последнее обосновывается тем, что в равной степени принудительным может показаться и заключение под стражу, и обыск, и вынесение постановления о признании чего-либо вещественным доказательством, поскольку весь уголовный процесс взаимосвязан и любое действие внутри него затрагивает всех его участников, а иногда и третьих лиц: допрос лица в качестве свидетеля, безусловно, затрагивает не только самого свидетеля, но и подозреваемого или обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и ответчика т.к. изменяет доказательственную базу по делу.

Из этого следует, что если быть последовательным на пути защиты прав и свобод человека необходимо признавать принудительными все действия в рамках процесса, поскольку каждое из них потенциально принудительно для любого другого.

Исходя из вектора развития уголовно-процессуального законодательства, последнее неизбежно будет означать создание гарантий защиты от необоснованного принуждения, что повлечёт за собой многократное усложнение процедуры, а это, в свою очередь, с большой вероятностью чрезвычайно усложнит уголовное преследование, и,

¹ Бернацкий, Г. Г. Философия реальности / Г. Г. Бернацкий, А. С. Кармин. - СПб.: «ИНЕВА», 2007. - С. 214.

² Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; Под общей редакцией проф. А. В. Смирнова. – М.: «КНОРУС», 2007. – С. 225.

следовательно, в значительной мере парализует уголовный процесс. Последнее же будет означать в большой мере беззащитность каждого от уголовных посягательств.

Тем не менее, по нашему мнению, говорить о том что «гриф принудительности» на каких либо действиях абсолютно лишней - неверно.

Бесспорна, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой ряд мер с большей вероятностью, чем остальные могут быть восприняты как принудительные. К таким и следует причислять выделенные законодателем в раздел IV УПК РФ меры процессуального принуждения.

Данный «гриф» необходим для защиты человека, который противостоит в рамках судопроизводства органам государства, а в итоге - и большей части общества, легитимирующей государство. Признавая, что меры с большей вероятностью окажутся принудительными, общество закрепляет в законе гарантии защиты лица, к которому данная мера применяется. Отсутствие же этого «грифа» - читай признание высокой потенциальной принудительности, способное существенным образом ухудшить положение участников судопроизводства.

Исходя из сказанного, верным видится подразделение уголовно-процессуального принуждения в рамках уголовного процесса на две группы: меры уголовно-процессуального принуждения в узком смысле – т.е. меры, предпринимаемые в рамках уголовного судопроизводства, которые с наибольшей вероятностью будут восприняты лицом, на которого они направлены, как принудительные, и по этой причине закреплённые как таковые в законе, и меры уголовно-процессуального принуждения в широком смысле - предусмотренные уголовно-процессуальным правом действия и решения органов, ведущих производство по делу, способные ограничивать права участников процесса и быть воспринимаемыми последними как принудительные.

Такое разделение позволяет презюмировать и высокую потенциальную принудительность ряда мер и одновременно учитывать, что любые действия в рамках уголовного процесса могут быть принудительными, что, безусловно, важно в рамках развития уголовного судопроизводства в России.

Логичным представляется после дачи определения понятиям принуждения затронуть вопрос о моменте начала и окончания принудительного воздействия на субъект судопроизводства.

По нашему мнению для государства в лице его органов принуждение в рамках конкретного процесса начинается одновременно с возникновением обстоятельств, указанных в ст. 140 УПК РФ – поводов и оснований в возбуждении уголовного дела. Даже в случае, если данные о наличии признаков преступления в событии впоследствии не подтвердятся, должностные лица государственных органов обязаны провести все необходимые мероприятия для проверки данных и принятия решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

Из сказанного можно сделать вывод, что принуждение по отношению к государственным органам в рамках уголовного судопроизводства не зависит от совершения или не совершения деяния, содержащего в себе признаки преступления.

Принудительное воздействие к соответствующим государственным органам начинается с момента получения достаточных данных, которые могут и не подтвердиться в дальнейшем. Принуждение по отношению к государству в таком случае окончится одновременно с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем не менее, принуждение по отношению к «государственному» субъекту уголовно-процессуальных отношений может быть возобновлено, если заявитель обжалует данное решение. Сам факт использования заявителем своего права автоматически принуждает государство к совершению определённых действий, которые являются его обязанно-

стью.

В случае же подтверждения данных о преступлении государство исполняет свои обязанности далее, то есть принуждение длится до тех пор, пока уголовное судопроизводство не будет закончено. Учитывая же, что право на обжалование вступившего в законную силу судебного решения не ограничено каким-либо сроком, а в случае новых и вновь открывшихся обстоятельств в целях реабилитации, помехой не является и смерть осужденного, логичным будет вывод о том, что принуждение в отношении государства в рамках конкретного уголовного судопроизводства может иметь сколь угодно длительный период, хотя и прерывный характер, поскольку существуют положения, запрещающие внесение повторных жалоб или представлений ранее оставшихся без удовлетворения (ч.1 ст. 412 УПК РФ). Последнее, однако, не мешает возобновить производство в виду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Для «негосударственных» субъектов¹ ситуация складывается несколько иная.

Необходимо различить моменты начала и окончания уголовно-процессуального принуждения в широком и узком смысле.

Для узкого понимания мер уголовно-процессуального принуждения характерно связывание их начала с возбужденным уголовным делом, зачастую уже с некоторыми проведенными следственными действиями, обладанием информацией о деянии в мере, достаточной для установления процессуального статуса лиц.

Принуждение к конкретному лицу в таком случае является мерой государственного принуждения, наступающей вследствие неисполнения обязанности стороной, например, привод свидетеля (ст.113 УПК РФ) либо наличие у «государственного» субъекта достаточных оснований полагать, что лицо может мешать достижению социальной справедливости (ст. 97 УПК РФ). Возникновение принуждения непосредственно связано с этими обстоятельствами: отсутствие их не даёт основание для применения уголовно-процессуального принуждения в узком смысле

Момент окончания уголовно-процессуального принуждения в узком смысле связывается либо с исполнением обязанности, соответствующей правообязанности «государственного» субъекта, либо с исчезновением оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, с либо наступлением оснований, указанных в законе, например в п.1 ст. 109 УПК РФ.

Последние в свою очередь являются следствием приоритета прав и свобод человека и гражданина. Они фиксируют максимально допустимое принуждение по отношению к человеку вне зависимости от качества проводимых правоохранительными органами действий и их результативности, закрепляя самоценность прав представителя "слабой" стороны, «негосударственного» субъекта правоотношений.

Несколько иначе дело обстоит с вопросом о начале и окончании мер уголовно-процессуального принуждения в широком смысле.

Как уже было сказано выше, необходимо учитывать, что принудительным может оказаться любое действие в рамках уголовного процесса, которое может коснуться прав этого лица.

Следует пояснить, что разграничение мер воздействия на те, которые могут коснуться лица и которые коснуться не могут, весьма скользко, потому как даже опрос какого-либо третьего лица в рамках проверки сообщения о преступлении (ст. 144-145 УПК РФ) может затронуть права любого другого «негосударственного» субъекта – потенциального участника судопроизводства, и абсолютно однозначно затрагивает права

¹ В рамках настоящей статьи под «негосударственными» субъектами уголовно-процессуальных отношений подразумеваются любые участники, не являющиеся представителями государства.

лица, совершившего преступное деяние, даже если уголовное дело ещё не возбуждено, а это лицо ещё не установлено.

По нашему мнению, подобное расширение сферы беспокойства неоправданно и при его развитии способно парализовать всё судопроизводство. Подобная абсолютизация прав «негосударственного» субъекта, а в основном, безусловно, стороны защиты столь же вредна для достижения назначения судопроизводства, как и их полное игнорирование.

В последнем случае со стороны защиты фактически лишается возможности защищаться. В первом — стремлением обеспечить право на защиту по максимуму мы парализуем систему уголовного преследования.

На наш взгляд, на данном этапе развития права и общества такой подход неприемлем. В целях сочетания защиты прав «негосударственного» субъекта уголовного судопроизводства и общественного интереса в справедливости, необходимо говорить именно о таких действиях, которые затрагивают права указанного субъекта непосредственно.

Из сказанного следует, что моментом начала уголовно-процессуального принуждения в широком смысле в отношении конкретного лица следует считать действия, связанные непосредственно с этим лицом. Такие действия в любом случае не могут быть произведены ранее, чем возникновение обстоятельств, указанных в ст. 140 УПК РФ.

Моментом окончания уголовно-процессуального принуждения «негосударственного» субъекта в широком смысле, по нашему мнению, следует связывать непосредственно с моментом окончания уголовного судопроизводства для этих лиц.

Такой момент может наступить в различный период: в случае не подтверждения сообщения о преступлении – с момента принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (п.2 ч.1 ст. 145 УПК РФ); в случае установления в рамках предварительного расследования отсутствия события преступления или отсутствие в деянии состава или иных обстоятельств, указанных в ч.1 ст. 24 УПК РФ – с момента прекращения уголовного дела; в случае установления непричастности лица к совершению преступления или иных обстоятельств, указанных в ч.1 ст. 27 УПК РФ – с момента прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого и обвиняемого и т.д.

Следует обратить внимание на 2 обстоятельства:

Во-первых, в рамках уголовного судопроизводства важно исходить из фактической стороны отношений, а не формальной. Речь идёт о возможности обжалования решений в пределах уголовного судопроизводства: в том случае, если в процессе проверки было установлено отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела, то данное решение может быть обжаловано (ч. 2 ст. 145 УПК РФ). Последнее означает, что хотя решение уже было принято и принуждение прекратилось, оно может вновь возобновиться. Оно будет означать повторное возникновение потенциально принудительного воздействия на «негосударственного» субъекта.

Из сказанного следует, что весь период с момента вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела до истечения сроков обжалования лицо будет находиться в неизвестности по поводу указанного дела, что в свою очередь также может негативно сказаться на лице, будь то свидетель или потенциальный подозреваемый: добросовестный свидетель будет пытаться сохранить максимум полезной информации для возможного будущего расследования, что потребует от него ряда усилий, а потенциальный подозреваемый будет вынужден находиться в ситуации, близкой «нахождению под подозрением» царской России, поскольку не может ни защищаться, т.к. не от чего, ни успокоиться т.к. его судьба ещё фактически не решена по данному делу окон-

чательно и он должен пребывать в постоянном ожидании, что в свою очередь неоднократно оценивалось Европейским судом по правам человека как пытка¹. Аналогичная ситуация возникает и при завершении уголовного дела.

Во-вторых, прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого и обвиняемого зачастую отнюдь не обозначает окончания принуждения для него. Часты случаи, когда лицо меняет процессуальный статус на свидетельский, что означает продолжение применения к нему потенциального принуждения в широком смысле, но уже как к свидетелю. И вновь принуждение будет длиться далее до окончания судопроизводства по делу.

Окончание судопроизводства по делу заканчивается на некогда исключительной стадии – производстве в надзорной инстанции. Производство в ней по обстоятельствам, ухудшающим положение обвиняемого, ограничено годом, а по всем иным случаям срок обращения в надзорные инстанции в законе не ограничен.

Далее за производством в порядке надзора следует возможный пересмотр дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, который, согласно ч.1 ст. 414 УПК РФ, вообще никакими сроками не ограничен.

Из сказанного следует вывод, что фактически уголовно-процессуальное принуждение в широком смысле по отношению к «негосударственному» субъекту может длиться практически бесконечно, хоть и с перерывами, которые, по нашему и мнению Европейского суда по правам человека², вполне можно назвать пыткой для потенциального подозреваемого и, возможно, бессмысленной затратой сил со стороны добросовестного свидетеля по указанным выше причинам.

Логичным следствием утверждения о пытке по отношению к потенциальному подозреваемому является вопрос о её причине. Можно ли назвать таковой период ожидания привлечения объективно-виновного лица к ответственности, если он совершил преступное деяние и его ещё не привлекли, но сам он не спешит сообщить правду в соответствующие органы государства и окончить свою «пытку»? Представляется, что нет.

Однако, всё складывается иначе, если у лица, не совершавшего преступление, есть основания опасаться за свою свободу и честное имя в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств дела, при которых это лицо легко может оказаться на подозрении, а в силу судебной ошибки – и осуждено за несовершенное им преступление. В этом случае, по нашему мнению, следует говорить именно о пытке, поскольку лицо, хоть и не совершало ничего противоправного, фактически в силу сложившейся системы судопроизводства, ошибок и недочётов правоохранительных органов и суда может быть безвинно наказано.

Исходя из приведённого анализа, следует сделать вывод о том, что, несмотря на различие подходов к «государственным» и «негосударственным» субъектам в уголовном судопроизводстве, основываясь на абсолютно-принудительном воздействии закона на государство и расширения понятия принудительных уголовно-процессуальных мер до широкого смысла, мы получаем ситуацию, при которой и «государственный» и «негосударственный» субъект остаются потенциально принуждаемыми в связи с конкретным делом бесконечное количество времени.

¹ Например: дело Михеев против Российской Федерации (32954/05); Кузнецов и другие против Российской Федерации (34957/05); Баранкевич против Российской Федерации (31704/04). См.: Малый, А. Н. Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация: обзор избранных постановлений./А. Н. Малый. – Калининград: «КИНЛ», 2007. – С. 132-141, 171-180, 212-249.

² Например: Иванов и другие против России (30974/05) См.: Малый, А. Н. То же. - С. 78.